

- Александр Юрьевич, раньше, помните, мы и слова-то такого не знали - МЧС. А теперь, выходит, и обойтись не можем без специальной службы, которая только тем и занята, что следит за чрезвычайными ситуациями. Что случилось?

- Нас хоть и не было, но, как говорится, дело наше жило. В Москве много организаций, которые следят за состоянием окружающей среды - от метеорологов до пожарных, но информация оставалась ведомственной и зачастую не доходила до потребителя - правительства города, которое на основании прогнозов принимает решения. Такая система не удовлетворяла и население. Например, было много жалоб (и сейчас есть) на какие-то неприятные запахи, выбросы в атмосферу непонятно чего... За это в городе отвечают несколько служб: центр госсанэпиднадзора, экологическая инспекция, экологическая милиция. Да только у эпидемиологов ночного дежурства нет, а днем время выезда бригады на место - два часа, когда нередко не остается и следов происшествия. К тому же у них позиция такая: мол, мы с неизвестными веществами не работаем, вы нам скажите, что это, а мы определим, вредно ли оно и как защищаться. А если источник заражения серьезный и даже известен - например, разлила ртуть, все равно медики не приедут, потому что сначала надо ликвидировать источник, а уж потом они выяснят, опасно там или нет. У остальных служб - свои трудности. В общем если дело и доводилось до конца, то гораздо медленнее, чем следовало бы. Поэтому в 2001 году президент распорядился создать систему мониторинга и прогнозирования Министерства чрезвычайных ситуаций.

- Что изменилось?

- Мы создали лабораторию, оснастили ее, наладили круглосуточное дежурство. У нас есть поисково-спасательные отряды, есть средства разведки - химической, радиационной. Они приезжают на место чрезвычайной ситуации и могут оценить обстановку и решить, что нужно для спасения людей. Наша задача - выявить источник, ликвидировать, что в наших силах, а если это до конца не удастся, за дело берутся соответствующие организации. Раньше такой «пожарной команды», как мы, не было вообще.

При этом тесно взаимодействуем с коллегами из других московских организаций, которые ведут аналогичный мониторинг. Наш принцип: не потребление, а взаимовыгодный обмен информацией - от экологической милиции до департамента природопользования. Тогда можно рассчитывать на хороший результат. Паводковой обстановкой, например, занимается Водоканал, но у него своих постов на территории города нет, и наши спасательные станции дают ему информацию. Между тем в этом году была напряженная обстановка: быстро таял снег, и в некоторых местах уровень воды поднялся на полтора метра, недотянув всего 40 сантиметров до критического уровня, что уже грозило затоплением прибрежной части города.

Многое зависит от нашей инициативы. Я предложил создать коллегиальный орган всех организаций, которые занимаются мониторингом. Он бы следил, чтобы не было дублирования, был налажен обмен данными. Ведь все мы живем за счет городского бюджета, и расходовать его надо экономно.

- Как вы ведете мониторинг?

- У нас есть автоматизированная система дистанционного мониторинга «Лидар». Она предназначена для обнаружения вредных выбросов в атмосферу, пожаров, задымлений. Система работает в реальном режиме времени, десять видеокамер круглосуточно ведут круговой обзор. Дистанция контроля при хорошей видимости 10 километров. При обнаружении кризисной ситуации включается лазер, который сканирует обстановку и выявляет радиус выброса или пожара вплоть до определения адреса. Есть еще мобильный комплекс на колесах - его направляем туда, где не достает «лидар». Планируем установить еще два стационарных поста, чтобы под контролем была вся территория города.

Радиолокатор в Крылатском регулярно передает данные о гидрометеорологической обстановке на подступах к Москве, так что можно делать необходимые прогнозы. Например, нынешним летом были шквалистые ветры, грозы, сильные ливни, и мы предупреждали центр управления в кризисных ситуациях и поисково-спасательные отряды. Сообщали и в окружные управления по гражданской обороне. И, конечно, контролируем экологическую обстановку в городе.

ми из-за аварии бензовоза. А через несколько лет на железнодорожной станции Ховрино произошел теракт: была взорвана цистерна с дизельным топливом, начался сильный пожар. Да и в последние годы было немало случаев, когда переворачивались автоцистерны с нефтепродуктами. Недавно такое случилось на проспекте Мира. Причины, как правило, банальны - нарушение правил движения. Водитель обогнал бензовоз, подрезал, а полная машина не может быстро маневрировать... По-

Приезжаем, а там стоит холодильник еще советских времен, когда были планы и авралы в конце года. Вот и залили вместо фреона аммиак, который теперь потек.

Много проблем с разливом ртути - например, разбился термометр или, что еще хуже, тонометр для измерения давления. Бывают и криминальные случаи. Одна женщина нашла ртуть в своей газовой плите. Оказывается, жених ее до чери еще до свадьбы таким способом начал войну с будущей тещей.

Почему погибли? Три дня просидеть неподвижно очень тяжело, физическая нагрузка плюс моральная - и сердце не выдерживало.

- Нельзя было это предвидеть?

- А если бы не применили газ, какой мог быть исход?..

В аквапарке тоже было много пострадавших, наши спасатели оказывали первую помощь, после чего передавали медикам. Но многие люди, выбираясь самостоятельно из-под завалов, получили резаные раны от битого стекла. Да и собаки не могли заниматься поиском с пораненными лапами. Еще в 2000 году во время теракта на Пушкинской площади много людей пострадало от разлетевшихся стеклянных осколков. Именно тогда Московский комитет по науке и технологиям принял решение о разработке защитного остекления. Дело в том, что в больших современных зданиях остекленные конструкции составляют до 80 процентов площади фасада, отсюда и угроза для пешеходов, если что случится. Как показывает опыт, при взрыве осколки могут травмировать больше людей, чем взрывная волна и огонь вместе взятые.

Недавно разработаны (в том числе и с нашим участием) взрывобезопасные стекла, которые прошли успешные испытания на полигоне. Они выдерживают ударную волну от взрыва двух килограммов тротила на расстоянии пяти метров от стекла. Пользуются спросом и защитные пленки, наносимые на стекло. Они не только не дают разлететься осколкам, но и препятствуют распространению огня. Граната, брошенная в такое стекло, просто отскочит от него. Кстати, именно эти пленки, установленные на витринах на Тверской, во многом помогли во время массовых беспорядков летом 2002-го, когда шла трансляция футбольного матча. Кроме того, они улучшают звукоизоляцию и задерживают ультрафиолетовое излучение.

- Больше или меньше у вас работы в последние годы?

- Число природных катаклизмов (кстати, крупных в Москве не бывает) не изменилось, но все равно люди гибнут. В прошлом году, например, были такие случаи при попытке спрятаться от грозы под деревом. Да и деревья падали, башенные краны тоже. Мы стараемся вовремя объявить штормовое предупреждение, известить людей через средства массовой информации. Потом, конечно, ликвидируем последствия.

А вот что касается техногенных чрезвычайных ситуаций, тут сложнее. Техника изнашивается, и если не вкладывать деньги в безопасность, то сами понимаете, к чему это ведет. В этом году мы 60 раз выезжали по серьезным поводам. По сравнению с прошлым годом цифра выросла.

- Вашей службе уже три года. Чем можно гордиться?

- Налажена система, которая дает хорошие результаты. Под контролем химически опасные объекты. Сформирована концепция дальнейшего развития автоматизированной системы, которая позволила бы охватить метрополитен, места массового скопления людей.

- Что тревожит?

- Не растерять бы созданного. Сейчас идет реорганизация министерства, разделение федеральных организаций и местных. Это ухудшит не только финансирование, но и возможность комплексно решать проблемы. Между тем многое еще предстоит сделать. Так, планируем установить контрольно-санитарные посты для проверки автотранспорта на въездах в Москву. Нужно также продолжить автоматизацию мониторинга, потому что спасение людей зависит от оперативности и достоверности информации - ведь счет идет на минуты.

- Что бы вы хотели сказать москвичам?

- Хочу, чтобы люди знали: есть такая служба, которая круглосуточно дежурит, чтобы город спал спокойно. В случае опасной ситуации звоните по телефону 01. Есть и многоканальный телефон управления в кризисных ситуациях: 995-99-99. Мы всегда готовы прийти на помощь.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

Александр Кудрин: СЧЕТ ИДЕТ НА МИНУТЫ

Александр Юрьевич Кудрин родился в 1962 году. Окончил Костромское высшее военное командное училище химзащиты, служил в войсках ПВО - начальником химической службы полка, бригады, а затем отдельной армии. После окончания Академии химзащиты им. Тимошенко служил на Севере. Когда началась реорганизация Вооруженных сил, попал под сокращение и с 1995 года проходил службу в системе МЧС в качестве старшего офицера штаба гражданской обороны Архангельска. В 1997 году продолжил службу в Москве начальником отдела радиационно-химической и биологической защиты управления ГО и ЧС Северного административного округа. С 2001 года полковник Кудрин - начальник Центра мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Действует также система контроля за аварийными выбросами на химически опасных объектах. Пока охвачено всего шесть из нескольких десятков, но работа идет. Вот пример: в Северном округе - плодородная база «Красная Пресня», где для хранения продуктов используется аммиак. Информация поступает, даже если уровень загрязнения равен предельно допустимой норме, что в общем-то не страшно.

- Где в городе самые опасные места?

- В Москве много всяких опасных источников - тут и возможное подтопление при паводках, и возможные зоны заражения, пожары, взрывы, выбросы вредных веществ... У каждого из них - свои зоны риска. Например, постоянно тяжелая обстановка на МКАД, загазованность превышает норму в несколько раз. Но если взять все в совокупности и наложить на карту города, то белых пятен не останется. Обычно мы эту карту никому не показываем, чтобы не пугать народ...

- Что вызывает наибольшую тревогу?

- Химически опасные объекты. Есть такие, где безопасность не на должном уровне, и мы контролируем, как устраняются недостатки. На каждом таком объекте должны быть аварийно-спасательные формирования, оснащенные всем необходимым при чрезвычайной ситуации. Например, добровольная пожарная дружина, средства защиты персонала.

Кроме того, идут постоянные перевозки опасных грузов. Транзит через Москву запрещен, но для нужд города нужны и соляная кислота, и аммиак, и нефтепродукты. При аварии может случиться что угодно.

Многие помнят трагедию, когда в середине 90-х на Дмитровском шоссе сгорел троллейбус с пассажирами

тому мы работаем вместе с ГАИ, согласовываем маршруты. Днем избегаем больших магистралей, а в пределах Садового кольца такие перевозки разрешены только ночью.

- А если в такой ситуации пострададут прохожие, кто будет отвечать?

- У нас создана система страхования потенциально опасного объекта за причинение вреда третьим лицам. Это социальная гарантия на случай, если будет нанесен вред посторонним людям, окружающей среде, материальным ценностям. Ведь часто руководство предприятия-виновника говорит: у нас нет денег, мы не можем ни ликвидировать ущерб, ни возместить его. Если же есть страховка, то вред будет возмещен, причем за счет собственных средств предприятия. Мы за этим следим.

В начале этого года был взрыв на хладокомбинате №14 на Рябиновой улице. Идет расследование, будет суд, который и выяснит, кому сколько следует заплатить. К сожалению, страховые суммы пока низкие. Скажем, автозаправка в центре города выплачивает максимальную сумму 1 миллион рублей, а навредить может на десяток миллионов. Законодатели сейчас разрабатывают закон об обязательном страховании опасных объектов, и сумма страховки будет зависеть от количества опасных веществ.

- А какие ситуации бывают в быту?

- Очень разные. Скажем, жители звонят: в квартире запах аммиака.

Находили ртуть и в замочных скважинах...

- Трудно себе представить, что человек, разбивший тонометр, станет вызывать МЧС...

- Обычно стараются справиться сами: подмел веником - и в унитаз. И допускают ошибку. Дело в том, что частицы ртути остаются в мельчайших порах поверхности, а потом испаряются и накапливаются не только в организме, но и в обоях, гардинах и еще долго дают о себе знать. Даже если шарик ртути просто прокатится по полу, то оставит невидимый след. Кто не боится последствий, старается справиться сам, остальные обращаются к нам. Правда, редко. Лучше вызвать специалистов, они все сделают грамотно. Наши спасатели денег за это не берут. Но бывает, что до окончательной ликвидации опасности потом приходится еще долго работать другим службам. Например, на одном заброшенном заводе мальчишки нашли ртутные лампы и поразбились их на всей территории. А в каждой лампе - 200 - 300 граммов ртути. Возиться пришлось долго.

- Дают ли все эти катастрофы, аварии какой-то полезный опыт?

- Каждая чрезвычайная ситуация индивидуальна, но непременно чему-то учит. Мы участвовали во всех крупных событиях - в том числе в «Норд-Осте» и аквапарке «Трансваль». В «Норд-Ост» я входил в числе первых. На втором этаже еще стреляли, а мы уже выносили людей. Им сразу же вводили антидот.